УДК 343.6

Колесников Андрей Васильевич – заместитель прокурора Еврейской автономной области (г. Биробиджан). *E-mail: prokuror_andre@mail.ru*

А.В. Колесников
A.V. Kolesnikov

Характеристика преступлений против личности (сравнительно-правовой анализ)

В статье дана правовая характеристика преступлений против личности. Представлен сравнительно-правовой анализ указанных составов преступлений в сфере англосаксонской и континентальной правовых систем. Рассмотрены также видовые объекты, расположенные в разделе Уголовного кодекса РФ, посвященного преступлениям против личности. Предпринята попытка раскрыть отдельные аспекты юридической конструкции раздела «Преступления против личности», в котором сосредоточены видовые объекты преступного посягательства, влияющие на характер общественной опасности преступлений, а также проанализированы указанные общественные отношения в теоретико-правовом аспекте.

Characteristics of crimes against the persons (comparative analysis)

The article considers the characteristic species projects located in the part of the Criminal code on crimes against the person. The comparative analysis of these offences in the sphere of criminal law, Anglo-Saxon and continental legal systems is given.

Ключевые слова: *личность, жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация, половая свобода, половая неприкосновенность, конституционные права, преступления против семьи и несовершеннолетних, преступление, уголовное право, уголовное дело.*

Keywords*: personality, life, health, honor, dignity, business reputation, sexual freedom, sexual integrity, constitutional law, crimes against the family and minors, crime, criminal law, criminal case.*

Особенная часть УК РФ начинается с преступлений против жизни и здоровья. При этом, видовым объектом рассматриваемых преступлений являются такие неотъемлемые блага, как жизнь и здоровье человека.

Право на жизнь образует первооснову всех других прав и свобод, т. к. все остальные права утрачивают смысл и значение в случае гибели человека [1]. В свою очередь, к посягательствам на жизнь доктрина уголовного права относит:

- убийство (ст. 105 – 108 УК РФ);
- причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ);
- доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ).

Справедливости ради стоит отметить, что в отличие от уголовного законодательства континентальной и англосаксонской правовых систем преступления против жизни в УК РФ структурированы и сгруппированы в отдельную главу, характеризующую однородные общественные отношения.

Например, в УК Франции преступления против жизни представлены в двух отделах: «об умышленных посягательствах на жизнь» и «о неумышленных посягательствах на жизнь» [2]. Логика законодателя здесь вполне очевидна: указанные виды преступлений разделены по признаку субъективной стороны (различие в форме вины) составов преступлений.

УК Швеции не проводит грань между преступными деяниями по родовому объекту. Часть вторая УК Швеции посвящена преступлениям, составы которых объединены в главы в зависимости от видового объекта.

Так, преступления против жизни и здоровья сосредоточены в гл. 3. Однако указанная глава, на наш взгляд, не носит систематизированного характера. Например, группу составов против жизни составляют: тяжкое убийство (ст. 1), простое убийство (ст. 2), убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 3), причинение смерти по неосторожности (ст. 7). Анализ указанных статей, с точки зрения «законодательной оценки тяжести преступлений – санкции» [3], говорит о расположении рассматриваемых составов преступлений в зависимости от убывания степени их тяжести*.

В таком случае под сомнение ставится вопрос о степени общественной опасности преступлений против здоровья (ст.ст. 5, 6, 8), санкции которых существенно ниже санкции за причинение смерти по неосторожности, но которые следуют после умышленных преступлений против жизни [4].

Непосредственным объектом рассматриваемых преступлений является жизнь человека. В этой связи, нельзя не отметить, что длительное время в отечественной уголовно-правовой науке ведутся споры относительно начала уголовно-правой охраны человеческой жизни [5], но мы считаем излишним участие в обозначенной дискуссии.

В этой связи, в целях наиболее полной характеристики рассматриваемой группы преступлений отметим общепризнанную и устоявшуюся позицию по данному вопросу. В данном случае процитируем вполне обоснованную и поддерживаемую многими исследователями [6] точку зрения: «… под началом жизни человека следует понимать тот момент начала физиологических родов, когда плод стал виден из утробы матери (в результате чего сам по себе

* В указанном случае применена терминология УК РФ. Между тем, указанный термин не противоречит представлению о характере и степени общественной опасности по УК Швеции (см. ст.ст. 1, 2 гл. 29 «Об определении наказания и освобождении от санкции» УК Швеции. СПб., 2001. С. 232 – 233).

доступен для преступного посягательства)*. Уничтожение плода ребенка до начала родового процесса не образует состава убийства» [7]. Эта доктринальная позиция находит свое подтверждение в Приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи», который гласит, что моментом рождения ребенка считается момент отделения плода от организма матери посредством родов [8]. Моментом смерти человека считается момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека) [9].

Группу преступлений против здоровья представляют следующие составы:

- деяния, выражающиеся в умышленном или неосторожном причинении вреда здоровью различной тяжести (ст.ст. 111 – 115, 118 УК РФ);

- побои, истязания (ст.ст. 116, 117 УК РФ);

- деяния, ставящие в опасность жизнь или здоровье лица (ст.ст. 119 – 125 УК РФ)*.

В теории уголовного права нередко отмечалось об искусственном соотношении преступлений, предусмотренных ст.ст. 116, 117 УК РФ, к группе составов, объектом посягательства которых служит здоровье человека [10].

По мнению А.С. Никифорова, здоровье представляет «… общее нормальное состояние человеческого организма в целом, выражающееся в правильном его функционировании» [11], следовательно, побои и истязания не содержат последствий в виде вреда рассматриваемому объекту.

На наш взгляд, подобная позиция носит односторонний характер, поскольку рассматривает здоровье человека с точки зрения его физического (телесного) состояния, не беря в расчет психических свойств организма. Обоснованием нашей позиции служит выдержка из преамбулы Устава Всемирной организации здравоохранения, в которой говорится, что здоровье включает в себя состояние полного физического, душевного и социального благополучия и характеризуется не только отсутствием болезней и физических дефектов [12].

Таким образом, наличие указанных составов преступлений не вызывают сомнений в рассматриваемой нами группе преступных деяний.

Характеризуя классификацию преступлений, ставящих под угрозу жизнь и здоровье человека, обратимся к уголовному законодательству стран Европейского союза.

В ФРГ геноцид, прерывание беременности, оставление в опасности составляют группу преступлений против жизни, что соответствует сложившейся неблагоприятной демографической ситуации в стране. Немецкий

---

* Данная позиция схожа с американской судебной практикой, которая признает родившимся живым ребенка, полностью вышедшего из чрева матери и обладающего независимой системой кровообращения. См.: Маляев К.В. Уголовно-правовая охрана жизни. Дисс…канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 38.

** В доктрине уголовного права действуют иные классификации преступлений против здоровья. См.: Санджиев Ю.Л. Побои и истязания в системе преступлений против здоровья: криминологическая характеристика и предупреждение. Дисс… канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 14.

законодатель выделяет в группу преступлений «против телесной неприкосновенности» такие составы, как:

- квалифицированные и особо квалифицированные составы телесного повреждения (ст.ст. 223, 224, 226, 227, 229);

- истязание (ст. 225) [13].

Данная группа преступлений сосредоточена в отдельном разделе (раздел 16) УК ФРГ, что говорит о позиции законодателя в пользу разграничения объектов преступного посягательства (жизнь и здоровье человека). Приведенная классификация построена по принципу: от наименее опасного телесного повреждения к телесному повреждению со смертельным исходом (т. е. по степени тяжести). Указанные преступления носят, в соответствии с УК ФРГ, умышленный характер, о чем свидетельствует ответственность за покушение на данные деяния.

С точки зрения юридико-технической конструкции, УК Франции существенно отличается от ранее рассмотренных кодексов. Преступления против здоровья сосредоточены в отделах, а те, в свою очередь, в главах соответствующего кодекса, объединенных единым разделом (О посягательствах на человеческую личность).

Так, преступления против здоровья сгруппированы в различные параграфы, отделы и главы в зависимости от формы вины, способа и условий совершения преступлений (отдел I гл. III «О создании ситуаций, опасных для других лиц; отдел II «Об оставлении без помощи лица, которое не в состоянии себя защитить» и т. д.).

Сказанное можно проиллюстрировать следующим примером. Отдел I включает в себя преступления, посягающие на здоровье человека, совершенные с прямым умыслом (пытки, насильственные действия, угрозы). Стоит обратить внимание на то, что, на наш взгляд, французский законодатель не раскрывает указанных оценочных понятий, а только квалифицирует их в зависимости от степени тяжести.

Отдел II сосредоточен на преступлениях, совершенных неумышленно (сюда относится в частности небрежное отношение к своим служебным обязанностям).

Примечательно, что раздел III относит сексуальные посягательства к форме агрессии, и, с позиции французского уголовного законодательства, объектом преступного посягательства считается нормальное физическое и психическое состояние лица в отличие от российского уголовного законодательства, где основным непосредственным объектом преступных посягательств служит половая свобода и половая неприкосновенность личности [2, с. 178 – 219].

Вызывают интерес такие составы преступлений, объектом которых служит здоровье человека, это причинение вреда в драке (§91 УК Австрии, ст. 133 Швейцарии) и генетические манипуляции (раздел V УК Испании) [14].

Таким образом, уголовное законодательство ряда зарубежных государств выделяет здоровье человека с точки зрения юридической техники и конструкции в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны.

Как нам кажется, подобный зарубежный опыт может быть применен в отечественном уголовном законодательстве при изучении проблем квалификации преступлений, а также в криминализации таких преступных деяний, как применение незаконных способов диагностики и лечения, причинение вреда здоровью вследствие незаконного проведения биомедицинских исследований и т. п.

Другими непосредственными объектами рассматриваемой в данной статье категории преступления являются свобода, честь и достоинство личности. В зависимости от указанных непосредственных объектов все преступления классифицируются на две группы:

- посягающие на физическую свободу человека (ст.ст. 126 – 128 УК РФ);
- посягающие на честь и достоинство личности (ст.ст. 128.1 УК РФ).

Российское уголовное законодательство формировалось под влиянием международных документов о правах и свободах человека. В чем же выражается философско-социальное понятие «свобода» с точки зрения уголовного права?

Самостоятельное определение личной свободы разработала Д.Я. Зайдиева, которая характеризует её как «… способность человека к активной деятельности в соответствии со своими желаниями и потребностями, с учетом возможностей и условий, предоставляемых обществом, его возможностью быть огражденным от любых незаконных посягательств на свою физическую и психическую неприкосновенность» [15].

Данная позиция о свободе личности как всеобъемлющей категории права, пронизывающая все сферы жизни общества, наглядно продемонстрирована в диссертационном исследовании М.Ю. Карасевой. Автор (в зависимости от непосредственного объекта) выделяет следующие виды преступных посягательств на:

- физическую свободу личности (ст.ст. 126 – 128 УК РФ);
- половую свободу личности (ст.ст. 131 – 133 УК РФ);
- политическую свободу (ст.ст. 136, 141 УК РФ) [16].

Обратим внимание, что данная классификация рассмотрена исключительно в рамках раздела VII УК РФ и не затрагивает иные составы преступлений, где указанные общественные отношения служат дополнительным объектом.

В контексте рассматриваемых составов (ст.ст. 126 – 128 УК РФ) объект общественных отношений выражается в свободе передвижения, когда человек имеет возможность по своему усмотрению изменять место своего нахождения, передвигаться в нужном ему направлении [17].

По мнению С.Н. Потапкина, сущность личной свободы человека заключается в основанной на законе возможности лица передвигаться по собственному усмотрению, неограниченной физическим или психическим принуждением [17, с. 37].

Действующая диспозиция ст. 126 УК РФ вызывает некоторые трудности при квалификации преступлений и отграничения указанного преступного деяния от смежных составов.

Например, А.Б. Кирюхин рассматривает похищение как завладение (захват) человека против его воли, сопряженное с последующим ограничением его личной свободы [18].

Другие авторы конкретизируют указанный состав преступления, понимая при этом противоправные (согласие потерпевшего на похищение не образует состава преступления) умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым либо с помощью обмана завладением (захватом) живым человеком, изъятием его из постоянного (или временного) пребывания с последующим его удержанием, помимо его воли в другом месте [19].

Аналогичная позиция содержится в Постановлении Президиума Верховного суда РФ №207п2000 по делу Абдуллина, в которой говорится: «… под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующим содержанием в неволе» [20].

Стоит учесть и существование других мнений, характеризующих указанный объект преступлений как посягательство на физическую свободу и человеческое достоинство, а также неприкосновенность, предполагающую недопустимость насильственного захвата и обладания человеком как вещью [21].

Данная точка зрения, безусловно, заслуживает пристального внимания, но как представляется, необоснованно расширяет границы определения непосредственного объекта преступления [22].

Так, понятие «неприкосновенность личности» изначально принадлежит конституционно-правовой теории и предполагает в первую очередь обязанность государства обеспечить законные права и свободы личности от незаконного ареста, задержания, обыска и т. д. Указание на человеческое достоинство в качестве непосредственного объекта похищения человека также необоснованно, поскольку человеческое достоинство является факультативным объектом этого преступления.

В международной уголовной практике такой состав преступления, как похищении, относится к двум категориям международных преступлений: транснациональных и преступлений международного характера. При наличии специфических обстоятельств похищение переходит в категорию преступления против мира и безопасности человечества как преступление против человечности или военное преступление [23]. Подобная классификация указанного преступления в очередной раз свидетельствует о повышенной общественной опасности этого деяния не только в России, но и во всем мире.

Говоря о ст.ст. 127^1, 127^2 УК РФ, важно учесть, что отечественный законодатель отнес указанные составы в гл. 17, а не 19, где встречаются нормы о защите конституционных прав на труд, опираясь на международные законодательные аспекты в этой области.

Тут, как нам кажется, необходимо отметить, что проблема разграничения непосредственных объектов указанных преступных деяний кроется в пренебрежении осознания сущности объекта посягательства.

Так, в Женевской Конвенции от 25.09.1926 г. (Женева) раскрыто понятие «рабство», под которым понимается «… состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них».

Таким образом, непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст.ст. 127^1, 127^2 УК РФ считается именно свобода человека как его неотъемлемое, неотчуждаемое благо.

В связи с чем, мы не разделяем позицию некоторых исследователей, которые определяют основной непосредственный объект использования рабского труда «… как общественные отношения, обеспечивающие право на свободный труд» [24].

Честь и достоинство личности в мировом сообществе также признаны неотчуждаемыми благами, защита которых гарантирована ст. 2 Конституции РФ. Общественная опасность клеветы заключается, прежде всего, в посягательстве на моральное здоровье общества, лежащее в основе государственной и общенациональной идеи.

Некоторые авторы общественную опасность указанного преступного деяния связывают с разновидностью психического насилия. Так, «… отрицательная оценка личности потерпевшего, его дискредитация, подрыв морального престижа в глазах окружающих, компрометация общественного или служебного положения, компетентности вызывают переживание, стресс, порождают тревогу. Тем самым реализуется умысел виновного на причинение потерпевшему психических страданий» [25].

Субъект законодательной инициативы, принимая решение о либерализации УК РФ в связи с неоднозначной оценкой этих преступных деяний правоприменителем на общественном и законодательном уровнях*, декриминализировал составы оскорбления и клеветы на основании Федерального закона №420-ФЗ от 07.12.2011 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», отнеся их к административным правонарушениям [26].

Однако, спустя 7,5 месяцев, состав клеветы был возвращен в систему уголовного законодательства с некоторыми изменениями. Что же касается зарубежного опыта уголовной охраны чести и достоинства личности, особый интерес представляет УК Японии, где понятие «честь» считается одним из приоритетных благ в жизни общества. Так, УК Японии содержит ст. 230 «Ущерб чести» и ст. 231 «Оскорбление» [27]. Указанные составы преступлений не дают определение «чести», а также не оперируют понятием «достоинство».

* Как отмечают некоторые авторы, преступления против чести и достоинства личности весьма близко граничат с областью аморальных поступков и степень их общественной опасности несоизмерима с последствиями судимости и фактическим поражением человека в правах. Другие же утверждают, что нецензурная брань становится нормой и не составляет элемента противоправности как таковой (см.: Агильдин В.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления / Российский следователь. 2010. № 2. С. 1 ; Выступление председателя Верховного суда РФ В. Лебедева в декабре 2008 г. накануне VII Всероссийского съезда судей / Российская газета. 02.12.2008.

В связи с этим, в доктрине японского уголовного права существуют различные мнения на этот счет. Так, честь рассматривается в трех аспектах:

- внутренняя честь – истинное достоинство личности, его ценность как человека;

- внешняя честь – общественное мнение, репутация;

- субъективная честь – присущее человеку осознание себя, отношение к себе как ценности [28]. Следовательно, интерпретация чести в японской доктрине считается более широкой, нежели в российской, однако, объектом охраны по УК Японии служит именно внешняя честь, что ставит на второй план достоинство личности и не учитывает в качестве защищаемого уголовным законом блага [29].

Таким образом, среди плюрализма мнений [30], высказанных о содержании чести и достоинства, нам близка позиция, в соответствии с которой под честью следует понимать «положительную оценку человека со стороны общества, а под достоинством – оценку лицом своего положения в обществе и требование уважения к себе как к личности со стороны окружающих» [30, с. 14]. В связи с чем, данные непосредственные объекты необходимо защищать на государственном уровне, а также разрабатывать и совершенствовать уголовно-правовые механизмы охраны от преступных посягательств.

Не вызывает сомнений общественная опасность деяний, сосредоточенных в гл. 18 УК РФ, непосредственными объектами которых служит половая свобода и половая неприкосновенность личности.

Мы не будем детально изучать проблемы, связанные с применением указанных составов как с теоретической, так и с практической точек зрения. Данному, отнюдь не простому вопросу посвящено множество работ.

В нашу задачу входит определение непосредственного объекта преступного посягательства в рамках реформирующегося представления о половых отношениях в жизни общества и отграничения их от преступных деяний.

Если в доктрине российского уголовного права не вызывает сомнений определение «половая свобода», то термин «половая неприкосновенность» вызывает ряд научных дискуссий. Так, существует мнение, что половая неприкосновенность считается частью половой свободы лица и необоснованно расширяет основной непосредственный объект рассматриваемых преступных посягательств [31].

На наш взгляд, исследователями недостаточно учитывается то обстоятельство, что половая неприкосновенность в рамках российского уголовного законодательства распространяется на личность малолетних или несовершеннолетних потерпевших, а также невменяемых либо ограничено вменяемых лиц [32].

Таким образом, российский законодатель подчеркивает важность охраны и, вместе с тем, повышенную общественную опасность деяний, совершаемых против указанной категории лиц.

Гл. 19 посвящена преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Общественные отношения, охраняемые УК РФ и

рассмотренные ранее, имеют конституционное закрепление. Разница заключается лишь в том, что видовой объект гл. 19 УК РФ отражает общественные отношения, складывающиеся с момента возникновения дееспособности лица.

По нашему мнению, название указанного видового объекта сформулировано неудачно. Например, в УК РСФСР 1960 г. указанная глава называлась «Преступления против политических и трудовых прав граждан», что четко отражало специфику видового объекта рассматриваемой группы преступлений.

Таким образом, под преступлениями против конституционных прав и свобод человека и гражданина следует понимать общественно-опасные деяния, посягающие на конституционные права и свободы человека и гражданина. Видовым же объектом преступлений считаются права и свободы человека и гражданина, указанные в Конституции РФ. Основной закон РФ четко разграничивает объем прав и свобод человека и гражданина, в частности политические права.

Непосредственным объектом служит конкретное конституционное право или свобода человека и гражданина. Особенностью конструкции указанных норм служит их необходимое толкование, т. е. данные нормы носят бланкетный характер.

Так, не подлежит расширительному толкованию термин «гражданин». В соответствии с Федеральным законом №62-ФЗ от 31.05.2002 г. «О гражданстве в Российской Федерации», гражданин определяется как человек, обладающий гражданством, обладающий правовой принадлежностью к данному гражданству. Обращаясь к гл. 2 Конституции РФ, которая очерчивает сферу правовых гарантий «граждан» и иных лиц, используется термин «каждый», что необходимо учитывать при реализации рассматриваемых уголовно-правовых норм.

Примечательно, что в доктрине немецкого уголовного права отсутствует определение понятия «преступные деяния против основных прав человека и гражданина», а также не рассматриваются объекты применительно ко всей группе преступных деяний [33]. Но, вместе с тем, УК ФРГ достаточно умело оперирует терминологией «гражданин» и «каждый», под которой понимается любой человек, вне зависимости от его государственной принадлежности [34].

В доктрине российского уголовного права встречаются разные классификации норм, предусмотренных УК РФ [35]. Стоит отметить, что подобные разделения преступлений на те или иные группы следует считать достаточно условными и представляющими интерес в теоретическом плане для наиболее детального изучения общественных отношений, охраняемых УК РФ [35]. Например, А.В. Серебренникова классифицирует преступные деяния, сосредоточенные в гл. 19 УК РФ, в соответствии с гл. 2 Конституции РФ, на 3 группы:

- преступления, посягающие на личные права и свободы человека и гражданина (ст.ст. 137, 138, 139, 140, 148 УК РФ);

- преступления, посягающие на политические права и свободы человека и гражданина (ст.ст. 136, 141, 141^1, 142, 142^1, 149 УК РФ);

- преступления, посягающие на социально-экономические права и свободы человека и гражданина (ст.ст. 143, 144, 145, 145^1, 146, 147 УК РФ) [34, с. 120].

Л.Г. Мачковский, выделяя преступления по групповому объекту, что, на наш взгляд, излишне, утяжеляет конструкции составом преступлений, предусмотренных гл. 19 УК РФ, классифицирует их следующим образом:

- преступления против принципа равноправия (ст. 136 УК РФ);

- преступления против личных (гражданских) прав (ст.ст. 137, 138, 139, 140, 144, 148 УК РФ);

- преступления против политических прав (ст.ст. 141, 141^1, 142, 142^1, 149 УК РФ);

- преступления против социальных (социально-экономических) прав (ст.ст. 143, 145, 145^1, 146, 147 УК РФ) [36].

Проводимая же законодателем классификация преступлений, посягающих на конституционные права и свободы, по замечанию И.М. Тяжковой, зависит от направленности деяния, определяемая непосредственным объектом [37].

В заключение приведем справедливое мнение С.В. Дьякова, который считает, что плодотворным представляется не арифметический взгляд (кто на первом месте) на указанную триаду конституционных ценностей (личные, политические, социальные), а функциональный, с позиции их неразрывной связи. В частности, стоит отметить, что жизнь современного общества представляет собой единство публичных и частных интересов. Превалирование одних над другими способно оказывать разрушительное воздействие на общественный прогресс [38].

Завершает раздел VII УК РФ глава, посвященная преступлениям против семьи и несовершеннолетних. Государство заинтересовано в охране непосредственных объектов, предусмотренной гл. 20 УК РФ, прежде всего, по той причине, что «… нормальная жизнь общества зависит от нормальной жизни его структурных частей – семей, отношений между членами этого союза. Семья оказывает огромное влияние на формирование поведения растущего и воспитывающегося в ней ребенка» [39].

Проблемой семьи, материнства, отцовства и детства всерьез обеспокоено и международное сообщество. Об этом свидетельствует ч. 3 ст. 16 Всеобщей Декларации прав человека, провозглашающая права семьи на защиту со стороны общества и государства, а также права на особое попечение и помощь материнству и младенчеству (ч. 2 ст. 25).

Особую роль в охране материнства, детства и семьи, признанных конституционной ценностью (ст. 38 Конституции РФ), служит установление уголовной ответственности за наиболее опасные общественные деяния, посягающие на семейные отношения и интересы несовершеннолетних.

В зависимости от объекта посягательств на законодательном уровне можно классифицировать следующие преступные деяния:

- преступления, посягающие на нормальное развитие и воспитание несовершеннолетних (ст.ст. 150 – 151 УК РФ);

- преступления, посягающие на семейные отношения (ст.ст. 153 – 157 УК РФ).

Стоит учесть наличие различных точек зрения, которые по-разному трактуют видовой, непосредственный объекты преступных посягательств.

Е.Ю. Пудовочкин классифицирует общественные отношения, закрепленные в гл. 20 УК РФ, с точки зрения взаимоотношений между преступником и потерпевшим и разделяет их в следующем порядке:

- преступные посягательства на право несовершеннолетнего на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию (ст.ст. 150, 151 УК РФ);

- право несовершеннолетнего проживать с родителями и воспитываться в семье (ст. 153 УК РФ);

- право несовершеннолетнего, лишенного семейного окружения, на особую защиту (ст. 154 УК РФ);

- право несовершеннолетнего на защиту от вмешательства в частную жизнь (ст. 155 УК РФ);

- право несовершеннолетнего на работу, обязательную финансовую поддержку со стороны родителей (ст. 156, ч. 1 ст. 157 УК РФ) [40].

По нашему, мнению, подобная классификация устарела. Так, автор характеризует вовлечение как агитацию. При этом, Пленум Верховного суда Российской Федерации в одном из своих постановлений под вовлечением понимает действия взрослого лица, в том числе выраженные в форме угроз [41].

Далее Е.Ю. Пудовочкин характеризует указанные преступления с позиции несовершеннолетнего, хотя потерпевшими могут быть и другие члены семьи. Сложность классификации указанных преступных посягательств выражается, прежде всего, в сходстве непосредственного объекта, поэтому разграничение их должно происходить по объективной и субъективной сторонам.

Гл. 20 завершает раздел VII УК РФ, но говорить о том, что охраняемые ею отношения стоят на последнем месте (по нумерации глав) при осуществлении охраны личности нельзя. Такое ее расположение можно, как нам кажется, объяснить лишь тем, что в уголовном законе данная глава появилась впервые, к тому же законодатель не стал нарушать порядок следования глав в разделе о преступлениях против личности, оставив его практически таким же, каким он был в УК РСФСР 1960 г.» [42].

Одновременно, необходимо констатировать, что законодательная конструкция гл. 20, как и всего раздела VII УК РФ, соответствует конструкции Конституции РФ в части расположения прав и свобод.

Вместе с тем, необходимо заметить, что в современной научной литературе встречаются разные точки зрения, определяющие объект преступного посягательства.

Например, Е.В. Ермолаев характеризует преступления, предусмотренные гл. 20 УК РФ, «… как посягательство, обладающее всеми признаками преступления, направленное на нарушение семейных правоотношений, обязательным субъектом которых выступает член семьи и чаще всего – несовершеннолетний» [43]. По его мнению, термин «семья» следует исключить из гл. 20 УК РФ по причине того, что, фактически, уголовный закон не охраняет семью, а лишь семейные права граждан [43].

Таким образом, преступления против семьи и несовершеннолетних – виновные общественно опасные деяния, «… посягающие на права, устои и интересы семьи, ее нормальное функционирование, а также на материальное благополучие» [44] и нормальное физическое, духовное, психическое развитие несовершеннолетнего.

Проведенный нами сравнительно-правовой анализ вышеуказанных составов преступлений в сфере англосаксонской и континентальной правовых систем, по нашему мнению, будет способствовать правоприменителю принимать верные решения при квалификации преступных деяний, совершенных против личности в условиях неочевидности.

Литература и источники:

1. Казановская, Ю. А. Право на жизнь и смертная казнь: проблемы конституционно-правовой регламентации в Российской Федерации : дисс… канд. юрид. наук / Ю. А. Казарновская. – Ставрополь, 2004. – С. 19.

2. Уголовный кодекс Франции. – СПб., 2002. – С. 170 – 175 ; 178 – 219.

3. Кадников, Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : дисс… д-ра юрид. наук / Н. Г. Кадников. – М., 2000. – С. 165.

4. УК Швеции. – С. 40 – 41.

5. Шаргородский, М. Д. Ответственность за преступления против личности / М. Д. Шаргородский. – Л., 1953. – С. 15 ; Курс уголовного права: в 6 т. / Под ред. А.А. Пионтковского [и др.]. – Т. 5. – 1971. – С. 22 ; Бородин, С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву / С. В. Бородин. – М., 1994. – С. 48 ; Лукичев, О. В. Детоубийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / О.В. Лукичёв. – СПб., 2000. – С. 32 ; Бородин, С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. – М., 1999. – С. 175 – 176 ; Красиков, А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву / А. Н. Красиков. – Саратов, 1999. – С. 99 – 101 ; Кондрашова, Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности / Т. В. Кондрашова. – Екатеринбург, 2000. – С. 12 – 13.

6. См., например, Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под. ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. Автор параграфа В. Ф. Караулов. – М., 2009. – С. 22 – 23.

7. Макринская, В. И. Концептуальные начала национального, международного и зарубежного законодательства в области охраны права на

жизнь и обеспечения безопасности личности : дисс… канд. юрид. наук / В. И. Макринская. – М., 2006. – С. 105.

8. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // СПС КонсультантПлюс.

9. Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 №950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» // СПС КонсультантПлюс.

10. См., например, Курс советского уголовного права (Часть Особенная) / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. – Т. 3. – Л., 1973. – С. 550.

11. Никифоров, А. С. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву / А.С. Никифоров. – М., 1959. – С. 12.

12. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения принят Международной конференцией здравоохранения (Нью-Йорк, 22.07.1946 г.). // СПС КонсультантПлюс.

13. Уголовный кодекс ФРГ [Электронный ресурс] –.– Режим доступа: www.law.edu.ru (дата обращения: 18.04.2015 г.).

14. Галюкова, М. И. Особенности ответственности за причинение вреда здоровью человека в уголовном законодательстве европейских стран / М. И. Галюкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – № 3. – Т. 13. – 2013. – С. 27.

15. Зайдиева, Д. Я. Уголовно-правовая охрана личной свободы человека: автореф. дисс... канд. юрид. наук / Д. Я. Зайдиева. – М., 2006. – С. 9.

16. Карасева, М. Ю. Уголовная ответственность за преступления против свободы личности : автореф. дисс… канд. юрид. наук / М. Ю. Карасёва. – М., 2007. – С. 5.

17. Потапкин, С. Н. Незаконное лишение свободы по российскому уголовному праву : дисс… канд. юрид. наук / С.Н. Потапкин. – Н.Новгород, 2003. – С. 21 ; 37.

18. Кирюхин, А. Б. Преступления против чести, достоинства и свободы личности. Лекция / А. Б. Кирюхин. – М. : ЦИ и НМОКП МВД России, 1999. – С. 9.

19. Комментарий к УК РФ / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. – М., 1997. – С. 282 – 283 ; Уголовное право России. Особенная часть. Т. 2. / под ред. А.И. Игнатова. – М., 2000. – С. 111.

20. Казаримов, А. И. Уголовно-правовая защита права человека на свободу : дисс… канд. юрид. наук / А. И. Казаримов. – Рязань, 2003. – С. 91.

21. Лысов, М. Ответственность за незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложника / М. Лысов // Российская юстиция. – № 5, 1994. – С. 40 – 41 ; Оганян, Р. Э. Похищение человека: исторические и правовые проблемы / Р. Э. Оганян. – М., 2001. – С. 99.

22. Тютюнник, И. Г. Объект похищения человека / И. Г. Тютюник // Российский следователь. – № 12. – 2007 // СПС КонсультантПлюс.

23. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Проблемы квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы / В. А. Авдеев, Е. В. Авдеева // Российский судья. – 2013. – № 4. – С. 26 – 28 ; Алисиевич Е., Дела о насильственных исчезновениях в практике органов межамериканской системы защиты прав человека / Е. Алисиевич, П.-М. Галарза // Международное правосудие. – 2013. – № 2. – С. 55 – 64.

24. Акимова, Ю. Ю. Использование рабского труда: уголовно-правой аспект : автореф. дисс… канд. юрид. наук / Ю. Ю. Акимова. – Тюмень, 2010. – С. 6.

25. Гертель, Е. Оскорбление и клевета как виды психического насилия / Уголовное право / Е. Гертель. – 2011. – № 6. – С. 10 – 14.

26. Выступление Председателя Верховного Суда РФ В. Лебедева в декабре 2008 г. накануне седьмого всероссийского съезда судей / Российская газета. – 02.12.2008.

27. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. ФЗ от 01.03.2012 №18-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362. // Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.04.2015).

28. УК Японии. – СПб, 2002.

29. Королева, М. М. Характеристика норм о преступлениях против чести и достоинства по уголовному законодательству Японии / М. М. Королёва // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 68.

30. Королева, М. М. Преступления против чести и достоинства по уголовному праву Российской Федерации и стран АТР: Японии, Республики Корея и Китайской Народной Республики (сравнительно-правовой анализ) : автореф. дисс… канд. юрид. наук / М. М. Королёва. – М., 2011. – С. 10.

31. См. подробно: Барсукова, В. Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика / В. Н. Барсукова // Современное право. – 2014. – № 12. – С. 20 – 25 ; 14.

32. См., например, Кибальник, А. Насильственные действия сексуального характера / А. Кибальник, И. Соломенко // Российская юстиция. – 2001. – № 8. – С. 21 ; Мельников, А. Б. Уголовное право. Особенная часть / А. Б. Мельников, М. А. Кочубей, С. Н. Радочинский. – Ростов-на Дону, 2001. – С. 79.

33. См., например, Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой – Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – М., 2006. – С. 46 ; Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под. ред. В. М. Лебедева. – М., 2005. – С. 143 ; Российское уголовное право: курс лекций. Т. 3 / под ред. А. И. Коробеева. – Владивосток, 2000. – С. 344.

34. Серебренникова, А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству

Российской Федерации и Германии : дисс… д-ра юрид. наук / А.В. Серебренникова. – М., 2008. – С. 110.

35. Серебренникова, А. В. Указ. Соч. – С. 116 ; 120.

36. См., например, Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. – М., 2002. – С. 287 ; Скрипелев, Е. А. Права личности в России до октября 1917 г. Права человека накануне XXI в. / Отв. ред. Б. Гросс, П. Джуливер. – М., 1994. – С. 118.

37. Мачковский, Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования / Л. Г. Мачковский. – М., 2005. – С. 123.

38. Уголовное право России. Особенная часть. Т. 1 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. – М., 2005. – С. 131.

39. Дьяков, С. В. Государственные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства и государственной преступности / С. В. Дьяков. – М., Норма, 1999. – С. 11.

40. Шестаков, Д. А. Семья и предупреждение преступлений / Д. А. Шестаков // Правоведение. – 1995. – № 4 – 5. – С. 93.

41. Пудовочкин, Ю. Е. Ответственость за преступления против несовершеннолетних… С. 90 – 91.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 02.04.2013) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС КонсультантПлюс.

43. Пухтий, Е. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности : дисс… канд. юрид. наук / Е. В. Пухтий. – Ярославль, 2004. – С. 40.

44. Ермолаев, А. В. Уголовная ответственность за преступления против семьи: проблемы законодательной регламентации и правоприменения и пути их разрешения : автореф. дисс… канд. юрид. наук / А. В. Ермолаев. – Краснодар, 2009. – С. 8.

45. Тляумбетов, Р. Г. Преступления против семьи: уголовно – правовые и криминологические аспекты : автореф. дисс… канд. юрид. наук / Р. Г. Тляумбетов. – Челябинск, 2006. – С. 6.